

РУССКАЯ ИДЕЯ**Сергей Васильев**

Если кто и олицетворяет ее в сегодняшнем искусстве, то только музыкант, сбежавший из Москвы в деревню Ревякино.

Вот в кресле номера «люкс» гостиницы «Воздвиженская» сидит Петр Николаевич Мамонов. Он небрит и нетрезв. Под ногтями у него — черная кайма. Пальцы у него узловатые, руки сильные и жилистые. В ладони он крепко сжимает стакан, где на доньшке медово плещется виски.

Вот он — в мастерской киевского коллекционера Игоря Дыченко. Глаза — острые и любопытные — шарят по стенам. Долговязое тело устраивается на диване. Он еще не пил ничего спиртного. Он даже ничего пока не ел, потому что вечером у него спектакль, а в эти дни он постится. Его опять, как слепни, обсели журналисты. Тычут в лицо всегда, похоже, щетинистому мужику диктофоны. Журналисты сегодня — другие, не те, что докучали ему вопросами в гостинице. А Мамонов, вот она странность, все тот же. И слова выскуливает, выплакивает, выцеживает одни и те же. Слова, на строгий взгляд местных савонарол, идейно сменивших алкоголь на молоко и по этой причине признающих за Мамоновым право на единственный звук — му, больные. Но, вот беда, кругом так много здоровых, мускулистых, деловитых слов, а кажется, что они воздух кругом выжигают, оставляя сухую пустошь. А у Петра Николаевича слова вроде бы слабые и застенчивые, но дышать и жить после них легче.

Вечером он выходит на сцену. Голосит, гримасничает, крутит козу публике, стучит в свою металлическую гитару, орет и плачет. Выворачивается наизнанку. И ведь слова его — все те же. Что вчерашним пьяным вечером, что сегодняшним трезвым утром. Честные, твердые, справедливые, кровоточащие слова. Редчайший случай и в жизни, и на эстраде — слова эти обеспечены, простите, отвык язык такое произносить, душевной работой, страданием, самоедством, безжалостным неизвинением собственных слабостей, просчетов, пороков. Ага, грехов. Вы, действительно, думаете, что только попам позволено это слово? А к нам, таким бодрым и уверенным, оно уж и отношения не имеет? Мамонов своим самобичеванием учит куда яснее, чем ханжи-догматики, упрекающие его за пьяные срывы или истерзанную болью душу.

Потому что, если задуматься, то в России, кроме этой загадочной души, и нет ничего более ценного. И ни с какой нефтью, необозримыми лесами, пушниной и золотыми рудниками ее не сравнить. И даже со сметливым русским умом и диким русским терпением. Все когда-то заканчивается. А вот эта загадка — нет. И пока живут в России такие Петры Николаевичи, по-видимому, ничего ей не страшно. Они за всех ответят. Трезвые или пьяные. Но всегда страдающие от собственного душевного раздвоя и несовершенства. Не по-книжному. А шмыгая носом и выталкивая из себя честные, больные слова. Некоторые из них, свидетелем которых был во время недавних гастролей Петра Мамонова в Киеве со спектаклем «Шоколадный Пушкин» корреспондент «СН», мы и приводим

ниже.

— **Как вы песни пишете, спектакли сочиняете?**

— Я просто сижу в засаде. Что-нибудь мелькнет — я хватаю. Но для этого надо все время быть в засаде. Правда? Охотник отвернулся — и птичка улетела. А почему столяр или плотник придумывает вещь именно такую, а не сякую? Все черпается из одного источника. Если там правда лежит, то, значит, все в порядке. А если подмешивается что-то слишком личное или зло какое, то сразу начинаются сбои... Моя заслуга только в том, чтобы выбирать место правильное и словить верные слова. А обработка — это уже ремесло.

— **А как же это место определить?**

— Да этим все человечество занято. Я так же, как вы, стараюсь жизнь свою как-то понять. И пока что с трудом это удастся. Потому что проснулся одним утром — все отлично, а на следующий день встал — и все погано! Что это такое? Откуда это у нас? Надо разбираться. Если просишь у Верховного существа помощи и сам стараешься изо всех сил, тогда что-то получается. А если только просишь, — голый номер. Мне очень трудно, трудно, как всем. Жизнь вообще — вещь не легкая. Вот я пришел к чему: хочется только чистоты, а она никак не дается. Наверное, воли мало. Печально.

— **Вам с такими взглядами, может, лучше в монастырь надо было уйти?**

— Куда мне, я слабый. Монастырь — это самый большой подвиг, самый трудный — молиться постоянно за весь мир. Какой монастырь? Если я справлюсь со своим пятиминутным желанием не могу. Вот мне хочется, например, красного вина, я его взял и треснул... Мне в церковь зайти стыдно бывает... Конечно, я, наверное, занят тем, к чему призван. Я это умею делать и люблю. И не для похвалы, а единения с людьми на какой-то тайне. Это — счастливые моменты, все тогда легко, и не хочется никакую шторку

вешать. Хотя срываюсь. Но, как говорят, сколько бы раз ни упал на площади, а вставай все равно. Не будешь же на ней валяться. А на сцене что? Вышел, попрыгал — бывает чуть лучше, чуть хуже. Основное — как жить потом. Бывает, находит и уныние. Но жизнь нечего гневить. Песни пишутся потихоньку, уже и не песни даже, а какие-то такие разговоры под музыку. Я же не певец и не музыкант. Я, скорее всего, литературный какой-то деятель, просто слова перекладываю на музыку.

— **Вы, судя по всему, религиозный человек...**

— Вообще я стараюсь себя считать учеником православия. Как бы я еще ничего не достиг, но эту веру считаю истинной. Православие — значит правильно славить Бога. У меня, наверное, сердце так устроено, что мне все там мило — там труд, там смысл жизни. Я как-то подумал, что раз мы произошли от Адама и Евы, то все люди родственники. И конечно, начинаешь уже иначе ко всем относиться, и что-то людям прощать, и видишь все свои немощи ужасные и думаешь: ну хоть как-то двинуться, хоть чуть-чуть... Я вот когда в деревню решил уехать, как думал: за год стану чистый, потом дух святой явится и мы с детьми возьмемся за руки и на крылышках полетим. Оказалось — ни фига. Пять лет прошло, а воз и ныне там. Трудно. Все мы понимаем, а живем все равно по-своему. Как говорят: что хочу — не делаю, а делаю то, что не хочу. Потому каждый день заново учишься. Любви. Без злобы жить. Не суесловить. У нас в доме свой гроб с мертвецом стоит, а мы бежим оплакивать в чужой дом чужих мертвецов. Я постарался жизнь так устроить, чтобы делать то, что я хочу. А хочется чего-то утверждать все же, что-то лепить. И тут нужна, кроме всего прочего, решимость. Она ведь именно и отличала всегда святых людей. Решил — и уж ни шагу назад. Была девица блудного поведения и решила — никогда больше, ни разу не согрешу, не так, что сейчас еще разок, а завтра покаюсь. Этим людям и даровалось. А я вот так не могу. Непривычен нам духовный труд. Я могу целый день дрова рубить, а духовно не привык трудиться. Привык к готовенькому: хочешь — на! А истинное так просто не дается. Надо его заработать. Радость, мир, душевное спокойствие — все великие эти чистые вещи — они труда требуют. И иногда такое состояние после хорошего спектакля бывает. Несмотря на усталость. А потом — снова корячишься, и с мыслями дурными сладу нет. Понимаете, есть, как нас дураков учат, Божий промысел, а есть воля Божья. Промыслительный замысел нам не ясен, и он тайна великая. И есть воля Божья, когда Бог в наших благих намерениях нам помогает. Как разделить жизнь — что то, а что это? Случается ли что-то по воле Божьей или это был гнев Господний? Кто знает? Я иногда перед бутылкой пива час думаю: пить ее или нет. И все равно, увы, выпиваю. Но иногда же с собой справляюсь... Надо только муть в себе преодолеть. Самое главное правильно печку построить, а куда уж она улетит — неизвестно. Нет, жизнь идет, нечего жаловаться. И необходимые деньги даются. И замечательные друзья есть. И с

детьми в деревню ездим. Просто ясно, что есть другое, что-то гораздо более высшее. И вот к этому нему-то никак прорваться не удастся. Пока. Хотя желание есть, потому что нет других желаний. И ради этого все отдать можно.